

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-91

Зубарев, Евгений Львович.

3-91 Наш человек в Киеве / Евгений Зубарев, Игорь Петрашевич. — Москва : Родина, 2019. — 256 с.

ISBN 978-5-907211-76-6

Корреспондент Федерального агентства новостей отправляется в командировку на Украину, но вместо рутинной журналистской работы его ждет жесточайшая борьба за выживание. Вы узнаете, как подло действуют украинские неонацисты, калеча и убивая инакомыслящих. Как предают коллег киевские журналисты, готовые донести в полицию за одно неосторожное русское слово. Как агенты СБУ могут несколько лет безуспешно искать нашего журналиста в Киеве, а потом отпустить его за взятку.

Вы также удивитесь силе духа простых украинцев, бескорыстно помогавших корреспонденту ФАН. Удивитесь мужеству героев, отважно действующих в антифашистском подполье.

Перед вами документальная повесть, основанная на реальных событиях. Откройте ее и читайте до самого финала, а потом передайте друзьям. Пусть весь мир узнает правду о том, что на самом деле происходит в одной европейской стране, в которой, как известно, фашизма нет.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-907211-76-6

© Зубарев Е., 2019
© Петрашевич И., 2019
© ООО «Издательство Родина», 2019

Видео • 9:45 8 Февраля 2016 / Обновлено: 9:47 08 Февраля 2016

Убей россиянина: промывание мозгов юным киевлянам попало на видео

-2 785 0 Оставить комментарий

Глава первая

— Почему я? Почему в феврале? Почему вообще туда нужно лететь из Петербурга? Почему не нанять местных? Там что, все умерли?

— Да, там все умерли. Ты фильмы про зомби видел? Вот там все точно такие сейчас ходят, именно что как зомби. Одно отличие — зомби обычно молча мозг тебе выедают, а эти в процессе еще кричат про то, что Америка с ними и что Евросоюз их одобряет...

Директор смотрел на меня с плохо скрываемым раздражением и поминутно бросал нервный взгляд на часы.

— Палыч, двойной гонорар плюс командировочные. Соглашайся. И не говори мне, что ты боишься.

— Вообще-то, я не боюсь, — соврал я. — Просто хочу точно знать, ради чего рискую...

На самом деле я даже не набивал себе цену — я лишь хотел услышать от первоисточника, что конкретно меня ждет. Вариантов предполагалось несколько, но все были какие-то безрадостные.

— Если меня примут, что будет: тюрьма или просто высылка?

— Тюрьма только для аборигенов, у кого гражданство местное. Пока, во всяком случае. Птицина вот всего лишь

выслали в Россию неделю назад, правда довольно жестоко, — осторожно подбирая слова, сообщил директор. — Но ничего уголовного не предъявляли.

— Избили, изувечили, издевались — или обошлось? — так же осторожно подбирая слова, спросил я.

— С Птициным? Ну, челюсть гуманитарно сломали при задержании, по почкам прошлись демократично. И еще два ребра у него вроде бы треснули, но это не точно...

Мы оба помолчали, думая каждый о своем.

— Но мы оплачиваем лечение и протезирование, — вдруг торопливо добавил директор.

Я рефлекторно потрогал челюсть. Терять ей, конечно, после трех переломов за последние четыре года было уже нечего, но ведь каждый раз больно же. И, кстати, там у меня минус два зуба спереди, которые я все никак не вставляю вот уже полгода.

Директор снова посмотрел на часы, потом коротко вздохнул:

— Еще премии обещаю — по итогам каждого месяца, сколько продержишься там. Пятьдесят процентов плюс к обычным расценкам.

— Ладно, я готов. Чего не сделаешь ради торжества тоталитаризма. Когда вылетать?

— Сегодня. У тебя самолет через четыре часа, вообще-то. Билеты заказаны, получи их в отделе кадров, у Танечки.

Вот так у нас дела делаются, ага. К чему был весь этот душеспипательный разговор, если директор все решил за меня, причем за пару часов до того, как я вошел к нему в кабинет?

Дома я не сильно задержался — дежурный чемоданчик всегда под кроватью. Запасные аккумуляторы, камера, штатив, носки, документы, наличные.

Смартфон я вычистил, пока ехал на такси в аэропорт. Чистка требовала внимания и сосредоточенности — сей-

час столько дурацких приложений, что норовят записать всю твою жизнь поминутно. А зачем тайной политической полиции нашего бывшего братского народа знать, к примеру, где и с кем я провел вчерашний вечер?

Заказ гостиницы тоже оказался несложным делом — это все я сделал в аэропорту, выбрав отель поближе к центру Киева, поскольку именно там происходят все интересующие нас события.

Надо сказать, цены на номера меня удивили: я был уверен, что так безбожно обдирают туристов только в Москве да Петербурге — но нет, глядите, соседи из списка независимых от всего на свете республик уже подтягиваются.

В накопителе аэропорта у меня было время подумать, что я буду говорить по прилете пограничникам в Жулянах. Почитав, что пишут в Сети, я понял, как мне повезло — Танечка заказала рейс именно в маленький и старый киевский аэропорт в Жулянах. Он расположен в черте города и славится спокойным отношением пограничников к приезжим. А вот большой и сравнительно новый аэропорт «Борисполь», напротив, был известен дикими выходками персонала по отношению к русским. Если, конечно, верить комментариям безвинно пострадавших, которые они потом публиковали в Сети.

Один из таких комментариев жертвы украинской демократии я даже сохранил себе в телефон, рассчитывая использовать в публикации.

«Меня зовут Михаил, я из Краснодара. Я ездил в Киев осенью, получилось неудачно и даже оскорбительно. Итак, рассказываю, как было дело.

Прилетел я в „Борисполь“. Украинский пограничник взял мой российский паспорт, небрежно полистал его, а потом вдруг спросил:

— Чей Крым?

Я промолчал — читать лекцию про народное волеизъявление смысла не было. Тогда пограничник начал возить моим раскрытым паспортом по поролоновой подушке с чернилами, пока на месте фотографии и моего имени не образовалась сплошная синяя клякса. После этого он вернул мне паспорт со словами:

— Москалям нечего делать в приличной стране...

Вот так меня не пропустили через границу. И я еще почти сутки ждал обратный самолет в Россию.

А еще при проверке багажа украинские таможенники специально сломали мою скрипку, с которой я должен был выступить в Киевской консерватории. Они там, внутри скрипки, искали наркотики, при этом очень веселились, приговаривая:

— Ах, не смешите наши пейсы...

У меня вопрос ко всем пользователям на этом европейском форуме: скажите мне, пожалуйста, — на Украине что, совсем уже умом тронулись? Или это лично мне просто так не повезло?».

...Наверное, Михаилу из Краснодара действительно не повезло. На Украине националистическая идеология государственной не объявлялась. О превосходстве украинцев над русскими, цыганами и евреями если и говорится, то только в частных небольших СМИ — на госканалах телевидения и на официальных порталах в Сети пока стесняются.

Российские пограничники в Пулково и тем более белорусские в Минске мною не заинтересовались, хотя по поводу наших я тоже немного волновался — пара забытых и потому неоплаченных автомобильных штрафов всегда всплывает в самый неподходящий момент. Но обошлось.

Усевшись в кресло самолета, я оценил летевшую со мной в Киев публику. На три четверти это были мужики с обветренными мрачными физиономиями. Надо думать, украинцы-гастарбайтеры: это было ясно по медным заго-

релым лицам и рукам, простой одежде, грубым прическам под горшок. Конечно, я легко мог бы изобразить кого-нибудь из них, но для этого как минимум был нужен украинский паспорт.

В голливудском блокбастере мой персонаж непринужденно отобрал бы паспорт у работяги и прошел границу без проблем. В моей суровой реальности мне нужно было думать о том, как пересечь границу с рязанской мордой и русским паспортом в руках.

Соседи вполголоса переговаривались между собой с интонациями старух 90-х годов, у подъезда рассказывавших друг другу истории про бесчинства банды в их районе.

— Его завернули, прикинь!

— Да ты шо?

— Паспорт еще порвали, а обрывки в унитаз спустили.

— Какой паспорт, русский?

— Нет, у него два было. Украинский порвали. Сказали, вали в свой Крым, ты теперь русский оккупант.

— А он?

— А он рад был, что хоть один паспорт оставили. Прикинь, в его положении — и вообще без документов остаться!

— Мрак. Я бы этого погранца, да рожей об стойку...

— Ну и сел бы как террорист...

Мои соседи в салоне самолета оказались лицами с двойным гражданством — простыми, но предприимчивыми людьми, которые для удобства зарабатывания на хлеб насущный получили гражданство и России, и Украины. Но и предприимчивость иногда выходит боком. Никого не трогает то обстоятельство, что два паспорта у тебя — исключительно в целях заработка.

Поразительно, как легко развалилась интернациональная советская империя, как быстро и жестко мечтательных интернационалистов превратили в отвратительных шовинистов. И никто не сказал обманутым и унижен-

ным людям из полыхающих окраин хотя бы «простите». Горбачев вон до сих пор искренне удивляется, за что его ненавидят на одной шестой части суши.

Но моих попутчиков макроисторические процессы, судя по всему, интересовали мало, по большей части разговоры крутились вокруг рублей и квадратных метров. Хотя — не без налета политэкономии.

— ... У москалей богато сейчас, — донеслось сзади. — Я весь этот сезон в Подмосковье плитку клал на двух объектах. Так эту плитку самолетами возили, прямо из Италии.

— Да, москалики в три горла жрут. Никак не подавятся...

Самолет пошел на посадку, а я так ничего и не придумал. Подумалось, что я совершенно точно не пройду пограничный контроль. Был бы я украинским пограничником — сам себя не пропустил бы. Жрущий в три горла москалик не должен топтать святую киевскую землю.

«Боинг» чуть покряхтел перед посадкой, попав в турбулентность, и я вдруг понял, что все эти геополитические хлопоты совсем убили во мне аэрофобию, которой я, конечно, страдал, как любой разумный организм. Но сейчас я боялся не вероятной авиакатастрофы, а конкретных мужиков в зеленых фуражках.

Самолет сел безупречно-штатно, и нас тут же выпустили по трапам прямо на летное поле. Я уж подумал, что простой сельский быт западной Украины пустил корни даже в столичном аэропорту и до здания аэровокзала мы пойдем пешком по бетонке. Но нет, минут через десять, за которые я успел окончить на февральском ветерке, подъехал выдавший виды автобус, а следом — еще два, таких же потертых.

Я сел в последний автобус, цепляясь за каждый возможный шанс. Например, утомленный большой группой людей пограничник — это тоже вполне себе возможность.

Серое одноэтажное здание аэровокзала, похоже, не отапливалось вовсе. Я встал в хвост очереди и получил возможность понаблюдать за пограничниками.

Каждый из них сидел в одной из десяти будок, выстроенных в линию. Восемь оказались заняты мужчинами, две — женщинами.

К женщинам я сразу решил не идти — черт разберет, что у них там в голове, когда они на гражданской работе, а уж когда в форме, это вообще инопланетяне.

Почти все пассажиры держали в руках синие украинские паспорта. Предупредительным красным семафором горел только мой российский паспорт и еще три аналогичных у мамы с двумя школьниками сразу впереди меня.

Из восьми пограничников-мужиков в шеренге пропускных будок только один выглядел самым расслабленным — он совершал плавные, даже какие-то закругленные движения руками, будто танцевал, при этом жевал резинку и рассеянно, но по-доброму всем улыбался.

Настала моя очередь идти за красную черту, и я нерешительно поплелся к застекленной будке.

У таможенника было гладкое округлое лицо, выражающее самые добрые чувства. Он был почтительно-приветлив и благожелателен. Однако когда я выложил перед ним на стойку свой паспорт, вся его расслабленность куда-то пропала — он даже резинку выплюнул в салфетку, с откровенной враждебностью взглянув на меня.

— Цель поездки?

— Туризм, — неожиданно для себя брякнул я.

Пограничник поднял вверх кустистые черные брови:

— Туризм? В Киев? В феврале? Придумайте что-нибудь пооригинальнее, гражданин...

Он повернулся налево, куда не поворачивался ни разу, пока я за ним наблюдал в очереди, и достал здоровенный деревянный штамп.

Я шумно вздохнул и показал ему на свой рот:

— Медицинский туризм. Зубы еду к вам делать. Зубы! У вас когда-нибудь болели зубы?! У меня уже год как не проходят.

Пограничник положил штамп на стол и с интересом взглянул на меня. Я подумал, что если вдруг придется открывать рот, легенда подтвердится дыркой в челюсти от отсутствующих зубов.

— А почему в Киев-то, шо не дома? — с подозрением поинтересовался он.

— У вас в пять раз дешевле. Наши стоматологи зажрались совсем. Пять тысяч долларов за зуб требуют.

— Пять тысяч?! Тогда за два своих зуба ты у нас сможешь квартиру купить.

— Да мне не до квартиры, поверьте. Зубы надо делать, понимаете?

Он с минуту смотрел на меня, потом вдруг положил страшный штамп обратно в левый угол и повернулся направо, за правильным штампом.

— Удачного лечения, — сказал он, возвращая паспорт. Хотя по лицу было видно, что в полной мере веры мне нет все равно.

Я благодарно улыбнулся ему во все свои оставшиеся зубы и почти побежал к выходу.

Таксист, молодой армянин на стареньком «Опеле», узнав, что я из России, завел осторожный разговор о том, как же это плохо, что испортились отношения между Россией и Украиной. Потом последовали дежурные слова о том, что простому народу весь этот февральский переворот был не нужен.

— А кому переворот был нужен?

— Наверное, всем этим мордам в телевизоре.

Через двадцать минут он высадил меня у «Гостевого дома на Бессарабке» на улице Кропивницкого, дом 14.

Эта поездка обошлась мне всего в пять долларов, причем я даже не торговался. На прощание дал таксисту сверх пятерки баксов еще сто рублей, просто так, и он взял их с благодарностью, а не презрением, как взяли бы в нашей столице. «Брату передам, он в Москве халтурит».

Я вышел из машины, не с первого раза захлопнув дверь — каждый раз при расставании с таксистом дилемма: то ли ударить дверью посильнее, чтоб закрылась наверняка, то ли проделать это деликатнее, чтобы нервы водителя не пострадали. Взял чемодан и пошел к освещенной уличным фонарем табличке «Улица Кропивницкого, дом 14».

Под ноги мне вдруг бросилось невнятное, большое и очень лохматое существо. Когда я запнулся об него первый раз, то понял, что оно еще и мягкое. Когда споткнулся об него еще два раза подряд, понял, что существо меня запомнило.

— Бандера! Бандера! Куда ты, скотиняка! Ах ты ж, дрянь подзаборная, — мимо меня по тротуару быстро пробежала озабоченная женщина.

Я не стал закладывать скотиняку, затаившуюся за моим чемоданом. Вид у дворняги угадывался виноватый, но когда я протянул руку, чтобы погладить — приободрить, она резко отпрянула в сторону и скрылась в кустах неподалеку. Под мордой у нее я успел заметить небольшую банку с еле угадываемыми надписями, на кудрях болтались патриотичные желто-синие ленты. А еще мне показалась, что в зубах она держала банкноту.

«Приличный отель», как утверждалось в Сети, оказался замаскирован под обычную хрущевку. На входе меня встретила мощная железная дверь. В полумраке угадывались какие-то вздорные опознавательные знаки, старательно намекающие на платное проживание.

Я позвонил в звонок. Открыла заспанная женщина. Она, ничего не спрашивая, провела меня по коридору,

распахнула дверь моей комнаты и тут же ушла в неведомое. Я успел пробормотать «спасибо» и «до свидания».

Мой «отель» возле Бессарабской площади, который я заказал еще в Пулково за пятьсот гривен в сутки, оказался пошлым хостелом. И это за такие деньги! Впрочем, сразу я не стал ругаться, потому что ругаться было неохота, да и не с кем, честно говоря.

Бросив вещи в небольшой полуподвальной комнате с единственным окном, я собрался было поспать на кровати, занимавшей добрую половину комнаты, но тут, конечно, позвонил директор моего родного новостного агентства.

Разговор оказался коротким, но содержательным.

— Молодец, что прошел пограничников, нам с тобой здорово повезло. Первый материал нам нужен уже сегодня, он нужен позарез. Так что бросай шмотки и сразу иди снимать что угодно. Срочно. Нам нужен украинский читатель! И ты его нам приведешь...

Я бросил вещи в комнате, взял камеру и пошел снимать что угодно.

После Петербурга вечерние киевские улицы показались мне необычайно темными. Я некоторое время шел наугад, косясь на редких прохожих, прошел насквозь уже закрытый Бессарабский рынок и вышел на Крещатик. Широкий проспект оказался перекрытым для транспорта — там стояла большая разборная сцена, а перед сценой толпилось несколько десятков юношей и девушек в нетрезвом и веселом ожидании праздника.

— А кто тут у нас такой скучный?! А кто тут у нас не скачет?! Кто не двигается под музыку, тот — кто?! — заорал вдруг мегафон мне прямо в ухо.

В полумраке желтых фонарей, включенных даже здесь, на центральном проспекте Киева, вполне можно было разглядеть упитанного мужика в камуфляжной куртке и при этом в розовой шапочке, с микрофоном в руках. Он гавкал на всех в мегафон, укоряя за малоподвижность.

— Мы любим Украину? Да?! Да! Не слышу!

— Да!!

— Кто с нами не двигается под музыку, тот есть кто? Тот приехал оттуда?

— Откуда?

— Тот приехал с Востока! Значит, кто с нами не двигается под музыку, тот нам кто? Кто? Да тут есть киевляне, украинцы есть?!

— Есть!

— Кто с нами не двигается под музыку, тот москаль! А москаль кто?

— Враг!

— Молодцы! Поехали дальше!

Публика — в основном девушки-подростки — на все вопросы и реплики отвечали задорным смехом. Даже когда они кричали про «врагов» и «москалей», они хихикали. А когда со сцены врубили, наконец, музыку, толпа подростков и в самом деле начала скакать, скандируя: «Кто не скачет, тот москаль!»

Помнится, когда директор напутствовал меня в эту командировку, он много чего говорил, в том числе и про подобную идеологическую накачку, но мне, честно говоря, не очень в это верилось. Но вот, поди ж ты, в самом деле скачут, да ведь как задорно.

— Ты почему не скачешь?!

Вопрос был адресован все тем же затейником персонально мне. Я было отмахнулся, но он вовсе не шутил:

— Кто не скачет, тот москаль! Надо скакать!..

Девушки вокруг меня принялись скакать с удвоенной энергией, потом одна, в футболке с надписью «Патриотический дансинг», схватила меня за руку и попыталась втащить в толпу перед сценой.

— Нужно танцевать, скакать, нужно весело двигаться! Ну что же вы стоите, так нельзя, как вы не понимаете!

Я неуклюже потоптался на месте, и она разочарованно замерла рядом со мной.

— Почему вы не танцуете? Вы откуда к нам приехали?

— Из Минска, — честно признался я, не уточняя исходную точку своего путешествия.

— Ну вот, хороший город Минск, а вы его позорите. Надо танцевать! Вы просто не знаете, как у нас тут весело, и ни о чем не надо думать.

У меня вдруг что-то щелкнуло в голове, и я уточнил у нее, перекрикивая музыку:

— Нужно, чтобы было весело и ни о чем не надо было думать?!

— Ну конечно, именно так! — согласилась она и принялась танцевать вокруг меня, ритмично двигая толстыми бедрами. Она была совсем не в моем вкусе — коренастая, скуластая, коротко остриженная. Я все так же неловко потоптался еще немного на месте, но ей быстро надоело меня уговаривать, и она переключилась на зрителей рядом.

— Что стоим? Все танцуем! Кто не скачет?

— Тот москаль!

— Слава Украине!

— Героям слава!

Я осторожно отошел в сторонку, к стене массивного сталинского здания. На табличке в свете разноцветных фонарей от сцены читалась надпись: «Київська міська державна адміністрація». Красный — синий — зеленый, красный — синий — зеленый. Не так я представлял себе дрожку, когда читал про все это лет двадцать назад.

Рядом со мной чиркнули спичкой, пахнуло табаком, потом вдруг стихла музыка, и я услышал ироничный вопрос:

— Чому не танцуем?

Спрашивал рослый мужик в камуфляже, и я решил, что он тоже из организаторов, но тот быстро объяснился слегка заплетающимся языком:

— Скажи, дебилы?

Я на всякий случай промолчал, но он продолжил, упрямо мотая головой, как будто я с ним спорил.

— Да дебилы же!

— Ну, есть немного, — осторожно согласился я.

— Вот, а я о чем говорю! — обрадовался он. — Я в Польше четыре года как живу, нормально там все у меня, квартира, машина, работа. Уехал отсюда, понимаешь. В Киев приезжаю, могилки там проведать родительские, друзья еще остались кое-какие. Но вот уже не хочется приезжать, понимаешь? — начал всерьез объяснять мне он свои резоны, но тут снова грянула музыка.

Он махнул рукой, с нехорошим прищуром вглядываясь в танцующих перед собой подростков. Когда снова случился перерыв, он быстро повернулся ко мне, будто проверяя, не убежал ли я:

— Пошли, брат, выпьем. Я — Иван, столяр, — протянул он мне широкую ладонь.

Я немного поразмыслил и согласился.

— Пошли, пошли, брат, — обрадовался он. — Ты же русский человек! А какой русский человек после такого безобразия не должен выпить?! Не должен — обязан!